

DOI: 10.31857/S241377150014551-9

М. Н. Муравьев, Екатерина II и Фридрих II: к вопросу о статусе литературного языка

© 2021 г. А. Д. Ивинский

Кандидат филологических наук,
старший научный сотрудник Института мировой литературы А.М. Горького РАН,
Россия, 121069, Москва, ул. Поварская, д. 25а
ivinskij@gmail.com

Дата поступления материала в редакцию: 2 октября 2020 г.

Дата публикации: 30 апреля 2021 г.

Резюме. Статья посвящена интерпретации лингвистического наследия М.Н. Муравьева. Воспитатель великих князей Александра и Константина Павловичей, он написал целый ряд текстов, посвященных вопросам генезиса и эволюции русского литературного языка. Данные произведения практически не привлекали внимания исследователей, которые отказывали им в оригинальности и сводили к прагматическим педагогическим задачам. Однако, как мы показываем, языковые статьи Муравьева должны рассматриваться в едином контексте с его историческими трудами, а также быть соотнесены с культурным проектом Екатерины II. В этой перспективе муравьевская “лингвистика” оказывается едва ли не важнейшей частью его творчества. Так, писатель, вослед императрице, доказывал древность и богатство русского языка, а следовательно, и истории, и культуры. При этом ключевой объект критики Муравьева – Фридрих II. В оценке его политики поэт совпал с Екатериной II: прусский король был признан человеком, который не понял основного механизма развития национальной придворной культуры. Как следствие, его претензии на культурную и политическую гегемонию были отвергнуты. Таким образом, Муравьев использовал идеи и наработки Екатерины II, структурировал ее наблюдения и предложил своим венценосным ученикам понятную и легко усваиваемую концепцию развития отечественной культуры в целом и русского языка в частности.

Ключевые слова: Екатерина II, М.Н. Муравьев, Фридрих II, “Собеседник любителей российского слова”.

Для цитирования: *Ивинский А.Д.* М.Н. Муравьев, Екатерина II и Фридрих II: к вопросу о статусе литературного языка // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2021. Т. 80. № 2. С. 30–37. DOI: 10.31857/S241377150014551-9.

Mikhail Muravyev, Catherine II and Friedrich II: On the Status of the Russian Language

© 2021 Alexander D. Ivinskij

Cand. Sci. (Philol.),
Senior Researcher at the A.M. Gorky Institute of World Literature
of the Russian Academy of Sciences,
25a Povarskaya Str., Moscow, 121069, Russia
ivinskij@gmail.com

*Received by Editor on October 2, 2020
Date of publication April 30, 2021*

Abstract. The article focuses on the interpretation of the linguistic heritage of M.N. Muravyev. A Tutor to Grand Dukes Alexander and Konstantin Pavlovich, he wrote a series of texts on the genesis and evolution of the Russian literary language. The researchers denied the originality of these works and underestimated them as texts concerned just with pragmatic pedagogical tasks. However, as we demonstrate, Muravyev's linguistic articles were directly connected to the cultural project of Catherine II. The writer, following the Empress, argued for the antiquity of the Russian language, and consequently, history and culture as well. At the same time, the key object of Muravyev's criticism was Friedrich II. Muravyev, as well as Catherine the Great, assumed that the Prussian king did not understand the main mechanism for the development of national court culture. As a result, his claims to cultural and political hegemony were rejected. Thus, Muravyev used the ideas of Catherine II's linguistic works, structured the material, and offered his students a clear and vivid concept of the development of the Russian language and national culture, in general.

Key words: Catherine II, Mikhail Muravyev, Frederic II, "Companion of Lovers of Russian Letters".

For citation: Ivinskij, A.D. *M.N. Muravyev, Ekaterina II i Fridrikh I: k voprosu o statuse literaturnogo yazyka* [Mikhail Muravyev, Catherine II and Friedrich II: On the Status of the Russian Language]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Seriâ literatury i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2021, Vol. 80, No. 2, pp. 30–37. (In Russ.) DOI: 10.31857/S241377150014551-9.

Фридрих II — один из крупнейших политиков европейского Просвещения, влияние его на культуру Германии, а косвенно и других стран трудно переоценить. За его проектами внимательно следили в Петербурге: Екатерина II, познакомившаяся с королем Пруссии еще в юности, на протяжении своей жизни конкурировала с ним за звание "главного просветителя" на троне и не раз полемизировала с ним.

История этого противостояния пока не написана, однако некоторые, как нам представляется, центральные сюжеты конкуренции монархов в культурном поле мы уже наметили в прежних работах. Так, нам приходилось писать о том, что, создавая свой знаменитый "Наказ", императрица полемизировала, в частности, с Фридрихом II [1, с. 7–11]. Программа журнала "Собеседник любителей российского слова" (1783–1784), который должен был, по замыслу императрицы, перестроить придворную словесность, строилась во многом на отталкивании от галломании Фридриха II. Король, как известно, даже собственные сочинения — конечно, не без помощи Вольтера — писал по-французски, немецкий же он третирует как язык "варварский", недостойный развитого человека. Екатерина II же, напротив, выдвинула идею литературы, которая, с одной стороны, впитывала бы ключевые идеи современности, а с другой — не забывала бы о национальных корнях — истории и языке, поэтому в "Собеседнике" декларировался отказ от публикации переводных сочинений. Таким образом, Екатерина II свой "национальный"

проект развития культуры противопоставила "космополитизму" прусского короля, что, повторим, не означало отказа от достижений французских или немецких писателей и философов (об этом подробнее см.: [1, с. 50–55], [2, с. 372–382]).

В центре данного проекта Екатерины II — языковая программа, которая представляла собой сложный синтез тех идей, которые впоследствии повлияли и на Шишкова, и на Карамзина, а позднее ассоциировались со славянофилами и западниками [1, с. 86–92].

Если история екатерининских лингвистических штудий в общих чертах известна [3]; [4]; [5], то до сих пор оставалось неясным, каким образом ее проект эволюционировал и каким образом он "перешел" в XIX век. В данной работе мы остановимся на одном специальном сюжете: в центре нашего внимания будет М.Н. Муравьев, который оказался своеобразным посредником между двумя поколениями русских писателей и филологов. Насколько мы можем судить, если бы не внешние обстоятельства, Муравьев не обратился к этим вопросам. Изначально он должен был решить вполне прагматическую задачу — выстроить преподавание языка и словесности для великих князей Александра и Константина Павловичей. Для этого он написал серию статей, которая практически не привлекала внимание исследователей. Возможно, их отталкивала "вторичность" сочинений Муравьева (даже В.Н. Топоров в своем авторитетном исследовании, посвященном Муравьеву, ограничился самыми краткими характеристиками

его филологического наследия и пространственными цитатами из заметок писателя, см.: [6, с. 778–790]). Однако именно эта “вторичность”, с нашей точки зрения, заслуживает самого пристального внимания. Не претендуя на оригинальность, Муравьев в своих “педагогических текстах” структурировал разрозненный материал екатерининских трудов, дополнил их своими примерами и в итоге способствовал интеллектуальному оформлению лингвистической концепции императрицы, а следовательно, и всего ее культурного проекта.

Отметим, что одновременно с этим Муравьев, по сути, сходным образом работал с историческими трудами Екатерины II. Обратившись к ее “Запискам касательно российской истории”, он сократил и скомпоновал данный текст таким образом, чтобы его легко могли усвоить венценосные ученики. Вместе с тем, он не стремился к упрощению или сглаживанию противоречий, исторические заметки Муравьева могут и, по-видимому, должны оцениваться как самостоятельные труды, которые, в свою очередь, в ключевых – идеологических – моментах повлияли на Н.М. Карамзина, в этой перспективе оказывающегося наследником императрицы и Муравьева (об этом подробнее см.: [7]).

Таким образом, муравьевские лингвистические и исторические сочинения, с одной стороны, ретроспективно помогают выявить важнейшие черты екатерининского имперского проекта, а с другой – прочерчивают линию идеологической преемственности от Екатерины II к Карамзину, а через него и к В.А. Жуковскому и его кругу, включая К.Н. Батюшкова, П.А. Вяземского и А.С. Пушкина. О значимости данных текстов свидетельствуют по крайней мере два факта. Во-первых, Муравьев, как хорошо известно, практически не публиковался, исключение же в зрелые годы он сделал только для своих “педагогических” произведений [8]. Во-вторых, неслучайно Карамзин, уже после смерти Муравьева, подготовил к печати не лирику или драматургию своего старшего современника и отчасти покровителя, а исторические и филологические заметки, которые он собрал в два тома “Опытов истории, словесности и нравов” [9]. Приведем небольшую цитату из предисловия к данному изданию:

Говорить ли о редких знаниях покойника? Все главные произведения разума человеческого, го, древние и новые языки, науки исторические,

умозрительные и естественные были ему известны. В последние годы жизни, пользуясь справедливою доверенностию Монарха, им обожаемого, и будучи обременен делами по Государственной службе, он не оставлял без внимания ни одной хорошей книги, выходявшей в свет на каком-нибудь языке Европейском. Страсть к учению равнялась в нем только с страстию к добродетели [9, Ч. 1, с. 2–3].

Отметим, что “страсть к учению” здесь прямо связана с “государственной службой” и “доверенностию монарха”.

Затем Карамзин, Жуковский и Батюшков выпустили собрание сочинений Муравьева в трех томах [10], в этом издании также проза безусловно доминировала над поэзией, а “дидактика” – над изящной словесностью. Таким образом, ближайшие соратники и ученики создавали в первую очередь образ Муравьева-учителя и “теоретика”, в меньшей степени – “чувствительного” прозаика, поэт же и вовсе оказался вытеснен на периферию.

Проблеме литературного языка вообще и русского языка в частности посвящен целый ряд сочинений Муравьева. Ключевой текст, с нашей точки зрения, – “Предпочтение природного языка”. В данной заметке он анализировал немецкий опыт культурного развития и, вслед Екатерине II, критиковал Фридриха II за “вредное предрассуждение” – за то, что тот предпочитал родному языку чужой:

Перемена в рассуждении Немецкого языка была столь быстра и внезапна, что великий Фридрих, воспитанный во вредном предрассуждении против своего природного языка, не мог быть уверен в том, что современные с ним стихотворцы и писатели Немецкие не имеют уже ничего общего с педантами, которые им предшествовали. Напрасно славный Министр его Герцберг, с которым он иногда забавлялся от Государственных дел снисходить к предметам вкуса и уместования, старался ему доказать доводами, что презрение его к отечественному языку несправедливо: Фридрих Великий предпочитал французский язык своему природному [8, с. 36–37].

Отметим несколько деталей: во-первых, равнодушие Фридриха II к своему языку здесь объяснялось презрением к “педантам”, к тем писателям, которые оказались вне утонченной придворной культуры, строившейся по французским моделям; во-вторых, такое отношение к национальной культуре признавалось предрассудком, человеку же, который выбрал подобный путь, отказывали в способности слышать “голос разума”, носителем которого в данном случае оказался министр Герцберг.

С точки зрения Муравьева, главная ошибка Фридриха II заключалась в том, что он не понял или проигнорировал “механизм” конструирования литературного поля. Прусский король был противопоставлен Людовику XIV, который, напротив, отдал себе отчет в том, что великая литература возникает тогда, когда власть покровительствует писателям. Последние же, став “частью” двора, и должны были создать блестящий литературный язык. Таким образом, Муравьев воспроизвел в данной заметке классическую концепцию придворной словесности, в которой монарх — ключевой игрок, а одновременно и арбитр. Покровительствуя поэтам, то приближая одних, то отталкивая других, он создавал ту достаточно гибкую модель, которая обеспечила обновление литературного языка и привела к культурной гегемонии Франции:

Он <Фридрих II. — А.И.> не принимал во уважение, что и французский язык достиг сего сияния в столетие Лудвига <sic! — А.И.> XIV по большей части помощью сильного покровительства, которым Монарх сей удостоивал великих писателей. Расин и Буало, приняты в отборное его общество, последовали ему в сияющих его походах или увеселительных поездках. Корнелий, на одре смерти, испытывал доказательства благоволения его. Часто Мольер читывал ему еще неоконченные свои комедии, и между тем как лицемерие и безрассудное мщение хотели похитить торжество его, запрещением играть Тартюфа, оскорбленный живописец сердца, отряжал одного из товарищей своих во Фландрию, в лагерь Лудвига Великого, с прошением защитить бессмертное его произведение. Победитель Монса и Намюра не почел ниже себя попечение покровительствовать дарованию, которое делало честь веку его и может быть будущим [8, с. 37–38].

В трактовке сложных взаимоотношений Людовика XIV и Мольера Муравьев также следовал концепции Екатерины II, которая была сформулирована в “Собеседнике”¹: власть покровительствует поэтам, которые затем прославляют монарха и сохраняют его имя в вечности (см. об этом подробнее: [1, с. 62–72]).

При этом Муравьев подчеркивал диалектическую природу этого процесса: литература, созданная двором, в результате изменила сам высший свет: “приятность” и “легкость” общения стали обязательным свойством “честного человека”:

Кроме сих великих писателей, не было придворного человека, благородной женщины, которые

¹ Напомним, кстати, что Муравьев печатался в “Собеседнике” [10, Ч. 2. С. 130].

не умели бы изъясняться с приятностию и не полагали в числе отличений своих преимущество хорошо говорить и писать на природном языке своем. Многие дамы, украшение пола своего, перенесли природные и неподражаемые приятности разума своего в сочинения повидимому легкие и нетщательные, но к которым не может подделаться ни какое искусство. Госпожа Севинье Лафайет и другие оставили образцы писания. Уединенной ученой не может охватить сии нежные обороты языка, которое употребление общества посвящает. Прилежание и рассеяние попеременно способствовали к обогащению языка толь многими приятностями, что он внесен почти в число классических языков Европы, прежде нежели перестал быть, равно с древними, ежедневным употреблением народа [8, с. 38].

Итак, Муравьев полагал, что Фридрих II совершил двойную ошибку: с одной стороны, предпочитая чужой язык, он тормозил развитие своего, а с другой — и на самом деле это гораздо более серьезная проблема — прусский король поставил под сомнение саму возможность эволюции придворного общества, а следовательно, и всей национальной культуры. Если же это так, то имплицитно высказывалось сомнение в обоснованности претензий Фридриха II на звание просвещенного государя. В подтексте же оказывалась мысль о том, что Екатерина II, в отличие от Фридриха II, усвоила опыт Людовика XIV и последовательно обновляла русскую культуру, учитывая и корректируя французскую модель. Нам приходилось уже писать о том, что именно императрица в “Собеседнике” противопоставляла “педантам” придворных писателей, которых отличали “приятство” и “легкость”, она же ориентировалась на дамскую аудиторию; таким образом, смягчение нравов и развитие словесности оказались в едином контексте конструирования монархом подлинной светской культуры (об этом подробнее см.: [1, с. 86–92]).

Свою аргументацию Муравьев развил в статье “Взгляд на историю писмен”. Он писал о том, что вопрос о литературном языке выходит далеко за рамки изящной словесности и прямо характеризует уровень развития государства:

Язык сообразуется всегда со степенью просвещения, которой достиг народ, его употребляющий. Недостаточен, груб, без красоты и согласия у диких, он заключает столько слов, сколько народ знает нужд и ощущений. Медлительное последование времени расширяет округ понятий и обогащает язык новыми выражениями. Одни сильные и знаменитые народы говорили прекрасными и обильными языками, которые пережили и падение своих

народов, увековеченные в книгах великих писателей. Таковы суть языки Греческой и Латинской, которые составляют услаждение людей изящного вкуса и дарований и сохраняют образцы писания для всех языков и столетий [10, Ч. 3, с. 169].

Как и Екатерина II ранее, Муравьев связывал язык и репутацию национальной культуры на международной арене. Проще говоря, без изящных “писмен” монарх не может рассчитывать на место в когорте подлинно просвещенных государей. Во “Взгляде на историю писмен” Муравьев, в частности, писал:

...цветущее состояние писмен всегда встречается с знаменитейшими периодами Государственного могущества. Язык только тогда приемлет на себя знамение прекрасного и выработанного языка, когда разум и вкус народа достигли вышней степени изящества, тогда же становится он и предметом Государственного внимания. Приобретая более гибкости и выражения, слово наполняется всеми оттенками мысли. Изображаемая чувствительными и последовательными знаками, мысль выражается сильнее и богаче. Взаимным слиянием слово и разум достигают вместе последней черты совершенства [10, Ч. 3, с. 170–171].

Муравьев в данном случае переформулировал ту мысль, которую мы уже разбирали выше: состояние национальной литературы говорит в первую очередь об уровне развития страны. Чем больше писателей и чем ярче их сочинения, тем выше престиж монархии. Литература и власть оказались объединены едиными целями в рамках имперского проекта.

При этом “французская модель” не предполагала слепого копирования: и Муравьев, и Екатерина II описывали русский имперский проект в контексте *translatio studii*.

Муравьев отказывался видеть в Античности исключительно и только притягательный и по определению недостижимый идеал “златого века”. Напротив, для него история человечества — это опыт борьбы с “невежеством” и “грубостью”, поэтому даже Древняя Греция должна была пройти определенный путь культурной эволюции, который только со временем привел греков к литературным шедеврам. Об этом Муравьев подробно написал в заметке “Рождение писем <sic! — А.И.>”:

Кадм принес азбуку в Грецию. Страна сия, навсегда любопытная для человеческого разума, чувствительно изникала из дикости, по мере как превосходные люди, прославленные ею под именем Героев, Орфеи, Амфионы, Лины, Мусеи, сообщали народу, посредством сладостных стихов, величественные понятия мудрости. Первые мудрецы и

богословы Еллинские были стихотворцы. Прежде было обольщаемо воображение, нежели убеждаемо разум. Мудрецы замыкали в кратких стихах правду нравочужения. Притчи, иносказания, которых изобретатель *Esop* известен позднему потомству, сокрывали полезные истины под видом вымысла. Греция ознаменовывает себя между тем блестящими предприятиями. Поход Аргонавтов и еще более война Троянская возвеличивает дух общественной. Восстает бессмертный разум Гомеров, коего слава умножается своею древностию. *Гезиод*, соревнователь его, дает наставления земледелию. Является в Афинах великое позорище Трагедии. Целый народ, самый просвещеннейший в Греции, приходит поучаться мудрости в творениях *Esхила*, *Софокла* и *Еврипида* [8, с. 43–44].

Кадм — один из важнейших героев исторической концепции Муравьева, именно с ним он сопоставил Владимира. Киевский князь в культуре России сыграл ту же роль, что и Кадм — в греческой:

Кадм, один из героев пришельцов, просветивших дикую Грецию, принес из Финикии первые письмена в оную. Тридцать веков спустя, Владимир святой и великий заимствовав от Греков православную веру, присвоил и начертания писмен их Российскому языку. Таким образом изобретения разума преемлются столетиями и путешествуя по вселенной с одного края на другой с торговлею, войною, переселениями народными, служат целому человеческому роду [10, Ч. 3, с. 172].

Но если “изобретения” “путешествуют” “по вселенной с одного края на другой”, то Россия оказывается “равной” Франции или любой другой державе, ведь все они когда-то получили первичный импульс к культурному развитию, заимствовали что-то у соседей, а значит, не имеют права на сколько-нибудь уникальный статус. Очевидно, этот вывод мог экстраполироваться на большую политику, в которой “равноправие” на международной арене открывало перспективы для самой широкой экспансии. При этом сразу отметим, что русский язык в этой специфической перспективе оказывался “наследником” финикийского, а следовательно, по определению должен был признаваться если не более древним, чем современные европейские, то по крайней мере *столь же* древним. Эта мысль очевидным образом восходила к “имперской этимологии” Екатерины II (см.: [5]).

Муравьев исходил в своих построениях из классической идеи неразрывной связи *translatio studii* и *translatio imperii*, поэтому история культуры для него — это во многом история империи. В статье “Успехи человеческого разума” он набросал краткий ее очерк.

Важнейший этап в развитии западной культуры — экспансия Рима:

Просвещение возростало всегда с успехами народных обществ и служило к соединению и возвеличению человеческого рода, так, что не можно совершенно отлучить перемены гражданские от судьбы Наук. <...> Греки сохраняют над покорителями своими сие влияние, которое дает превосходство просвещения. Их Философия и писмена распространяются по вселенной с оружием Римлян. Во время Августово человеческого разум достигал вторично высоты своего совершенства [10, Ч. 3, с. 180–81].

Падение Империи привело к торжеству варварства, “дикости” и “свирепства”, перед нами традиционная картина “темных веков”:

Империя Римская рушилась огромностию и веками развращения. Северные варвары ниспровергли ее и раздробили области. *Готфы, Алане и Гунны* принесли из пещер и пустынь своих дикость и свирепство. Просвещение было везде подавлено, разум ожесточен и презрен. Всеобщее нещастие, соединяющее все ужаснейшие бедствия, опечалило землю. Медлительно утихали сии громления, представляли взаимные нашествия, векам должно было уврачевать приключенное зло [10, Ч. 3, с. 181].

Возрождение империи и подлинной культуры произошло в “итальянских областях”, важнейший признак ренессанса — “открытие” Вергилия:

Между тем торговля Италианских областей, возбужденная предприятиями благочестивых завоевателей, ввела некоторый вкус роскоши, который отменно благоприятен искусствам. Около того же времени, открытие Римских прав в *Амалфи* обратило к ним любопытство ученых, и подало Государям новый способ ограничить власть сильных Вассалов: ибо важнейшие судебные дела были с того времени решимы в Государственных судилищах, составленных не из военных людей, но из гражданских законоведцов. В сем спокойствии, которое следует за долговременным волнением, нравы приобрели некоторую степень возвышения, и усыпленный разум человеческого рода стал чувствительно пробуждаться. Писания великих творцов Августова века были извлечены из праха, в котором сокрывались оные, и Петрарк с благоговением читал Вергилия [10, Ч. 3, с. 183].

Таким образом, классическая филологическая эрудиция, с точки зрения Муравьева, — знак принадлежности страны к великой культуре²: условно говоря, без Вергилия невозможны ни подлинное развитие, ни сильная империя. Однако изучение “писаний” “великих творцов Августова века” требует серьезной подготовки.

² Об этом подробнее см., напр.: [11]; [12]; [13]; [14].

Поэтому неслучайно Петр I, создавая российскую империю, понял, что военные или экономические успехи невозможны без реформы образования. В статье “Воспитание” Муравьев, с одной стороны, связал петровский, а значит и екатерининский, проект с Карлом Великим, а с другой — показал, какой сложный путь прошла Россия от первых училищ и Академии наук до Московского университета, от Миниха до Шувалова:

Карл Великий основывает Академию в собственных чертогах своих и как член оной старается об исправлении языка своего. Россия никогда не была чужда письмен, по причине сообщения своего с Грециею. ПЕТР Великой призвал в пределы ее искусства и науки. По его слову, юные дворяне Российские рассыпались по всем странам Европы для перенесения, по примеру Государя своего, какогонибудь знания в Россию. От предводителя воинств до ремесленника все были сотворение его. Открылись училища в полках; Академия наук от него приняла устав свой; Морская Академия давала ему мореходцов. В 1732 году славной Миних основал Кадетской корпус. Елисавета Петровна по предстательству И.И. Шувалова учредила Московский университет в 1754 году [10, Ч. 3, с. 202].

Как видим, Муравьев снова вернулся к мысли, которая нам уже хорошо знакома: Петр I, как и Карл Великий, старался “об исправлении языка своего”. Более того, Россия обязана своей культурой Греции, а значит, претендовала на особое место на карте Европы, ей не нужны были “посредники” в постижении ключевых культурных смыслов, она их получила напрямую.

Итак, статус проблемы литературного языка оказался исключительно высок, а лингвистическая концепция Муравьева в ключевых своих положениях обнаруживает прямую зависимость от трудов Екатерины II и сводится к следующему. Во-первых, русский язык и русская культура могут строиться только при покровительстве монарха и в рамках придворного общества, которое должно тонко балансировать на грани “своего” и “чужого”, “светского” и “ученого”. Во-вторых, просвещенная империя обязана заниматься развитием национального языка и культуры, опыт Фридриха II признан ошибочным. В-третьих, поскольку русская культура является наследницей и преемницей Финикии, Греции и империи Карла Великого, Российская империя входит в ограниченное число великих держав, которым суждено вершить судьбы мира.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

REFERENCES

1. *Ивинский А.Д.* Литературная политика Екатерины II: журнал “Собеседник любителей русского слова”. М.: Книжный дом “Либроком”, 2012. 120 с.
2. *Вачева А.* Потомству Екатерина II. Идеи и нарративные стратегии в автобиографии императрицы. София: Университетско издателство “Св. Климент Охридски”, 2015. 719 с.
3. *Грот Я.К.* Сотрудничество Екатерины II в Собеседнике княгини Дашковой. СПб., 1877. 18 с.
4. *Key M.R.* Catherine the Great’s Linguistic Contribution. Edmonton, 1980.
5. *Ивинский А.Д.* Екатерина II и “Сравнительные словари всех языков и наречий” // Русская речь. 2016. № 5. С. 75–81.
6. *Топоров В.Н.* Из истории русской литературы. Т. 2: Русская литература второй половины XVIII века: Исследования, материалы, публикации. М.Н. Муравьев: Введение в творческое наследие. Кн. 1. М.: Языки русской культуры, 2001. 912 с.
7. *Ивинский А.Д.* Екатерина II, М.Н. Муравьев и Карамзин: К вопросу о контекстах “Истории государства российского” // Литературоведческий журнал. 2016. № 40. С. 146–167.
8. *Муравьев М.Н.* Опыты истории, писмен и нравовучения. СПб., 1796. 150 с.
9. *Муравьев М.Н.* Опыты истории, словесности и нравовучения. М.: Унив. тип., 1810. Ч. 1. 353 с. Ч. 2. 283 с.
10. *Муравьев М.Н.* Полн. собр. сочинений. СПб.: Тип. Росс. Акад., 1819–1820. Ч. 1. 350 с. Ч. 2. 404 с. Ч. 3. 324 с.
11. *Росси Л.* Вергилий Муравьева: к проблеме гуманизма в России // Study Group on Eighteenth-Century Russia. Newsletter. № 33 (2005). С. 73–79.
12. *Росси Л.* Наследие гуманизма в русской культуре конца XVIII – начала XIX века // Literatura rosyjska XVIII–XXI w. Dialog idei i poetyk. Łódź: Wydawnictwo Uniwersitetu Łódzkiego, 2008. С. 77–85.
13. *Ленчиненко М.В., Любжин А.И.* Издания Гомера в библиотеке М.Н. и Н.М. Муравьевых // Индоевропейское языкознание и классическая филология. Т. XX. СПб.: Наука, 2016. С. 634–644.
14. *Ленчиненко М.В.* И лиры нежный глас еще не онемел...: М.Н. Муравьев – читатель Овидия // Индоевропейское языкознание и классическая филология. Т. XV. СПб.: РАН, 2011. С. 331–339.
1. *Ivinskij, A.D.* *Literaturnaia politika Ekateriny II: zhurnal “Sobesednik liubiteli rossiiskogo slova”* [Catherine II’s Literary Politics: Magazine “Companion of Lovers of Russian Letters”]. Moscow, 2012. 120 p. (In Russ.)
2. *Vacheva, A.* *Potomstvu Ekaterina II. Idei i narativnye strategii v avtobiografii imperatritsy* [To Posterity from Catherine II. The Ideas and Narrative Strategies in the Autobiography of Empress]. Sofia, 2015. 719 p. (In Russ.)
3. *Grot, Ya.K.* *Sotrudnichestvo Ekateriny II v Sobesednike kniagini Dashkovo* [The Collaboration of Catherine II with Princess Dashkova’s “Companion”]. St. Petersburg, 1877. 18 p. (In Russ.)
4. *Key, M.R.* *Catherine the Great’s Linguistic Contribution*. Edmonton, 1980.
5. *Ivinskij, A.D.* *Ekaterina II i “Svavnitel’nye slovarei vsekh iazykov i narechii”* [Catherine II and *The Comparative Vocabularies of all Languages*]. *Russkaia rech* [Russian Speech]. 2016, No. 5, pp. 75–81. (In Russ.)
6. *Toporov, V.N.* *Iz istorii russkoi literatury. T. 2: Russkaia literatura vtoroi poloviny XVIII veka: Issledovaniia, materialy, publikatsii. M.N. Muravjev: Vvedenie v tvorcheskoe nasledie* [Toporov V.N. From the History of Russian Literature. Vol 2. Russian Literature of the Second Half of the 18th Century: Studies, Materials, Publications. M.N. Muravyev: Introduction to the Heritage. Part 1]. Moscow, 2001. 912 p. (In Russ.)
7. *Ivinskij, A.D.* *Ekaterina II, M.N. Muravjev i Karazmin: K voprosu kontekstakh “Istorii gosudarstva rossiiskogo”* [Catherine II, Muravyev and Karamzin: On the Contexts of *The History of Russian State*]. *Literaturovedcheskii zhurnal* [The Journal of Literary Studies]. 2016, No. 40, pp. 146–167. (In Russ.)
8. *Muravyev, M.N.* *Opyty istorii, pismen i nra-voucheniia* [Essays in History, Literature and Morals]. St. Petersburg, 1796. 150 p. (In Russ.)
9. *Muravyev M.N.* *Opyty istorii, slovesnosti i nra-voucheniia* [Essays in History, Literature and Morals]. Moscow, 1810. Part 1. 353 p. Part 2. 283 p. (In Russ.)
10. *Muravyev, M.N.* *Polnoe sobranie sochinenii* [The Complete Collection of Works]. St. Petersburg, 1819–1820. Part 1. 350 p. Part 2. 404 p. Part 3. 324 p. (In Russ.)
11. *Rossi, L.* *Vergilii Muravjeva: k probleme gumanizma v Rossii* [Muravyev’s Vergil: On the Problem of Humanism in Russia]. *Study Group on Eighteenth-Century Russia. Newsletter*, No. 33 (2005), pp. 73–79. (In Russ.)
12. *Rossi, L.* *Nasledie gumanizma v russkoi kulture kontsa XVIII – nachala XIX veka* [The

- Heritage of Humanism in Russian Culture in the End of the 18th and in the Beginning of the 19th Centuries]. *Literatura rosyjska XVIII–XXI w. Dialog idei i poetyk* [Russian Literature of the 18th–21st Centuries. The Dialogue of Ideas and Poetics]. Łódź, 2008, pp. 77–85. (In Russ.)
13. Lenchinenko, M.V., Liubzhin, A.I. *Izdaniia Gomera v biblioteke M.N. i N.M. Muravjeykh* [Editions of Homer in the Library of M.N. and N.M. Muravyevs]. *Indoeuropeiskoe iazykoznanie i klassicheskaia filologiya. T. XX* [Indoeuropean Linguistics and Classical Philology. Vol. XX]. St. Petersburg, 2016, pp. 634–644. (In Russ.)
14. Lenchinenko, M.V. *I liry nezhnyi glas eshche ne onemel...: M.N. Muravjev – chitatel Ovidiia* [And Lyra's gentle voice is not yet numb...: M.N. Muravyev – Ovid Reader]. *Indoeuropeiskoe iazykoznanie i klassicheskaia filologiya. T. XV* [Indoeuropean Linguistics and Classical Philology. Vol. XV]. St. Petersburg, 2011, pp. 331–339. (In Russ.)